Йоав Блум

ТВОРЦЫ СОВПАДЕНИЙ

Большой роман

Йоав Блум

Творцы совпадений

«Азбука-Аттикус»
2011

УДК 811.411.16
ББК 84(5Изр)-44

Блум Й.

Творцы совпадений / Й. Блум — «Азбука-Аттикус», 2011 — (Большой роман)

ISBN 978-5-389-15793-4

Случайно разбитый стакан с вашим любимым напитком в баре, последний поезд, ушедший у вас из-под носа, найденный на улице лотерейный билет с невероятным выигрышем… Что если все случайности, происходящие в вашей жизни, кем-то подстроены? Что если «совпадений» просто не существует, а судьбы всех людей на земле находятся под жестким контролем неведомой организации? И что может случиться, если кто-то осмелится бросить этой организации вызов во имя любви и свободы?.. Увлекательный, непредсказуемый роман молодого израильского писателя Йоава Блума, ставший бестселлером во многих странах, теперь приходит и к российским читателям. Впервые на русском!

УДК 811.411.16
ББК 84(5Изр)-44

ISBN 978-5-389-15793-4

© Блум Й., 2011
© Азбука-Аттикус, 2011

Содержание

Из книги «Введение в совпадения». Часть I 6
1 7
2 19
Из «Технических приемов в организации совпадений». Часть А 22
3 24
4 26
5 33
6 38
Классические теории организации совпадений и методология исследования с целью улучшения причин и следствий 42
Итоговый экзамен 42
Часть А: вопросы с множественным выбором 43
Часть Б. Открытые вопросы 44
Часть В. Практические задания 45
7 46
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Йоав Блум
Творцы совпадений

Yoav Blum
THE COINCIDENCE MAKERS

© Е. Н. Карасева, перевод, 2018
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство Иностранка®

* * *

Бог не играет в кости со Вселенной.
Альберт Эйнштейн

Эйнштейн, перестань указывать Богу, что Ему делать с его игральными костями.
Нильс Бор

Из книги «Введение в совпадения». Часть I

Взгляните на линию времени. Конечно, это заблуждение: время – это плоскость, а не линия.

Но для тренировки представьте его в виде линии.

Теперь понаблюдайте за ней, за тем, как каждое событие происходит и порождает другие, попробуйте найти его начало.

Разумеется, у вас ничего не получится.

У каждого «сейчас» есть свое «раньше».

Это, видимо, основная, хотя и не самая очевидная проблема, с которой вы столкнетесь, будучи творцом совпадений.

Поэтому до теоретических и практических занятий, до всевозможных формул и статистик, до того, как вы начнете организовывать совпадения, давайте выполним очень простое упражнение.

Взгляните снова на линию времени.

Найдите подходящую точку, поставьте на нее указательный палец и просто решите: «Вот начало».

1

Как всегда, здесь главное – хронометраж.

За пять часов до того, как в двухсотый раз перекрасить южную стену в своей квартире, Гай сидел в маленьком кафе и медленно, задумчиво пил кофе.

Он сидел, немного откинувшись назад, в позе, которая должна была выражать спокойствие, выработанное долгими годами самодисциплины, и держал чашку осторожно, будто дорогую раковину с жемчужиной. Краем глаза он следил за движением секундной стрелки на больших часах, висевших над кассой. И опять, как всегда бывает в последние минуты перед выполнением задания, он с досадой отмечал у себя учащение дыхания и сердцебиения, так что временами переставал слышать официозное тиканье часов.

В кафе было наполовину пусто.

Он смотрел на посетителей и вновь воображал протянутые в воздухе нити паутины, тонкие невидимые связи, соединяющие всех и вся.

В противоположном углу сидела круглолицая девушка, прислонив голову к оконному стеклу и позволяя музыке, созданной гениями маркетинга и специалистами по подростковой романтике, промывать ей мозги через тонкие провода наушников. Закрытые глаза, расслабленное лицо – все, кажется, выражало спокойствие. Гай не выяснил о ней достаточно, чтобы определить, действительно ли это – спокойствие. На данный момент для его уравнения была значима не сама девушка, а лишь песенка, которую она напевала себе под нос.

Напротив нее – неуверенная парочка, парень и девушка на первом или втором свидании, пытаются то ли вести дружеский разговор, то ли проводить собеседование на должность второй половины, то ли обмениваться остротами, замаскированными под улыбки и взгляды. Оба попеременно отводили глаза сторону, чтобы не смотреть друг на друга и не создавать ложного ощущения близости. Эта пара была воплощением всех скоротечных отношений, нервно вращающихся вокруг своей оси. Таких парочек полно в мире, несмотря на его тщетные попытки от них избавиться.

Немного позади, в углу, сидел студент, занятый стиранием образа прежней любви из сердца. Он завалил весь стол листами бумаги, исписанными убористым почерком, но вместо учебы смотрел на большую чашку какао, погрузившись в мечты. Гай уже знал его имя и «историю болезни»: чувства, сомнения, мечты, маленькие страхи. Все это у него уже было собрано… Все необходимое, чтобы просчитать вероятности и упорядочить их в соответствии со сложной статистикой факторов и последствий.

И наконец, две стройные официантки, обе с усталыми глазами, но все еще улыбающиеся. Они неслышно, но оживленно разговаривали о чем-то около закрытой двери в кухню. По крайней мере, одна из них говорила. Вторая слушала, иногда кивала, подавала знаки согласно заранее оговоренному протоколу «я вас внимательно слушаю», но, по всей видимости, думала совсем о других вещах.

Ее историю Гай тоже знал. По крайней мере, надеялся, что знал.

Он поставил чашку на стол и про себя начал обратный отсчет секунд.

Часы над кассой показывали без семнадцати минут четыре.

Он знал, что у каждого из присутствующих часы показывают немного разное время. На полминуты больше или меньше – в реальности не имеет значения.

Люди живут не только в разном пространстве, но и в разном времени. В какой-то мере можно сказать, что они перемещаются в пределах личного временно́го пузыря, который создают сами. Как говорил Генерал, важно суметь состыковать время так, чтобы это не выглядело искусственно.

У самого Гая часов не было. В какой-то момент он понял, что в них отпала необходимость – настолько хорошо он стал чувствовать время.

Ему всегда нравилось это пронизывающее ощущение теплоты за минуту до выполнения задания. Чувство, что вот-вот ты шевельнешь пальцем и немного сдвинешь земной шар или небеса. Осознание того, как отклоняются от привычного маршрута вещи, которые еще секунду назад двигались совсем в ином направлении. Чувство, что рождается нечто новое. Он был словно художник, который рисует захватывающие пейзажи, только без кисти и красок, при помощи осторожного и точного поворота огромного калейдоскопа.

Он не раз думал, что, если бы его не существовало, его стоило бы придумать. Определенно стоило бы.

Миллиарды таких движений пальцем происходят каждый день, перекликаются друг с другом, отменяют друг друга, убаюкивают друг друга в трагикомическом танце возможных будущих событий, и ни одно из них не трогает сердце его творца. Гай без труда предвидит изменения, которые должны произойти, и воплощает их. Элегантно, тихо, под покровом тайны, такой, что, даже если вдруг будет раскрыта, никто в нее не поверит. Но все равно он каждый раз немного волнуется перед началом.

«Прежде всего, вы тайные агенты, – сказал им как-то Генерал. – Разница между вами и всеми остальными в том, что они в первую очередь агенты, а потом уже тайные, а вы в первую очередь тайные, а потом уже агенты».

Гай сделал глубокий вдох, и все началось.

Девушка за столиком напротив пошевелилась, когда одна песня закончилась, а другая началась. Она устроилась поудобнее, открыла глаза и стала смотреть в окно.

Студент тряхнул головой.

Парень с девушкой все еще оценивали друг друга и смущенно посмеивались, будто в мире и нет других видов смеха.

Секундная стрелка уже прошла четверть круга.

Гай выдохнул.

Вынул из кармана кошелек.

В точно определенный момент времени короткий нервный оклик отвлек двух официанток друг от друга и призвал одну из них в кухню.

Гай положил купюру на стол.

Студент начал собирать свои листочки, все еще медлительно и задумчиво.

Секундная стрелка прошла половину круга.

Гай поставил полупустую чашку на расстоянии ровно два сантиметра от края стола и положил купюру под нее. Когда стрелка отсчитала сорок две секунды, он встал и махнул рукой той официантке, которая осталась в зале, выражая этим жестом одновременно «спасибо» и «до свиданья».

Она махнула ему в ответ и направилась к его столику.

Когда стрелка на часах миновала три четверти круга, Гай вышел на залитую солнцем улицу и исчез из поля зрения посетителей кафе.

Три-четыре…

* * *

Симпатичный студент, сидевший в углу, собрался уходить.

Хоть это и столик Юли, но, по всей видимости, разобраться с этим придется Ширли. Без проблем. Ей нравятся студенты. Ей нравятся симпатичные парни. «Симпатичный» и «студент» – это весьма удачное сочетание, по правде говоря.

Ширли тряхнула головой.

Нет! Гони прочь эти мысли! Хватит уже «симпатичных», «милых» и всяких прочих прилагательных, которые так и лезут в голову.

Ты пыталась, пережила, исследовала, проверила, взлетела, разбилась. И сделала выводы. Хватит, баста. Пе-ре-рыв.

Другой юноша с грустными глазами поднял руку и показал ей на купюру, которую оставил на столе.

Они уже были знакомы, если можно так назвать его седьмой по счету молчаливый визит в кафе. Наверняка он, как всегда, допил свой кофе, оставив густой осадок, будто для несуществующей гадалки, аккуратно сложил купюру и подсунул ее под чашку. Он направился к выходу из кафе. Ширли показалось, что он двигается несколько напряженно. Она подошла к его столику, стараясь не смотреть на студента.

В конце концов, она всего лишь человек. Прошел уже целый год. Очевидно, что она все еще нуждается в человеческом тепле. Ей так и не удалось приучить себя к мысли, что «одна» – это новое «вместе», что нужно быть сильной, как одинокая и прекрасная волчица в снежном поле, или пантера в пустыне, или что-то в этом духе. Годы, проведенные за просмотром девчачьих мелодрам, прослушиванием слащавой попсы и чтением бульварных романов, воздвигли в ее голове крепостные стены, сложенные из романтических иллюзий.

Но все будет в порядке.

В порядке.

Погруженная в свои мысли, она протягивает руку.

Сзади слышится тихий звук, и Ширли поворачивает голову. Это девушка в наушниках мурлычет что-то себе под нос.

Еще до того, как повернуть голову, Ширли понимает, что совершила ошибку.

Ее мозг сейчас фиксирует происходящие события, предсказывает их, просчитывая с точностью атомных часов, но запаздывая каждый раз на тысячную долю секунды.

Вот ее рука немного двигает чашку, вместо того чтобы взять ее.

Вот чашка, которая в этот раз почему-то стоит близко к краю, теряет равновесие.

Вот Ширли протягивает вторую руку, пытаясь поймать падающую чашку, и у нее не получается: чашка разбивается об пол, и Ширли резко и отчаянно вскрикивает.

Вот студент – то есть юноша, который совсем ей не интересен, – поднимает голову на звук, неудачно шевелит рукой и проливает горячий шоколад на листы бумаги.

А вот Бруно выходит из кухни.

Черт.

* * *

«Иногда вам придется побыть немного мерзавцами, – говорил Генерал. – Это бывает необходимо. Я сам в свое время испытывал от этого удовольствие. Но совсем не нужно быть маленькими садистами. Принцип довольно прост».

Гай идет по улице и считает шаги до того момента, когда позволит себе повернуться и издалека посмотреть на происходящее в кафе. Чашка уже должна была упасть. Он только мельком взглянет, чтобы убедиться, что все в порядке. Это не ребячество, а здоровое любопытство. Никто не обратит внимания, он вообще на другом конце улицы. Ему позволено это сделать.

А потом он пойдет взрывать канализационную трубу.

* * *

Ширли видит, как студент ругается и размахивает руками, пытаясь спасти убористо написанные конспекты.

Она быстро наклоняется, начинает собирать осколки и ударяется головой о стол. «Черт» еще раз.

Она пытается собрать крупные осколки, не порезавшись. Кофе впитался в туфли, и на них получился узор из маленьких темных пятнышек, как окрас невыразительного жирафа.

Кофе отстирывается? Эти туфли вообще можно отмыть?

Ширли тихонько проклинает весь мир. На этой работе с ней уже в третий раз происходит нечто подобное. Бруно весьма доходчиво объяснил, что произойдет после третьего раза.

– Оставь, – слышит она тихий голос.

Бруно присел на корточки рядом с ней, весь красный от злости.

– Мне жаль, – сказала она. – Правда. Это… это… я не нарочно. Я всего лишь повернулась, на полсекунды отвлеклась. Клянусь.

– Уже в третий раз, – процедил Бруно. Он не любит кричать при посетителях. – На первый раз я простил. На второй предупредил.

– Бруно, мне жаль, – сказала она.

Бруно вытаращился на нее.

Ох. Большая ошибка.

Он очень не любит, когда его называют по имени. Обычно она не допускает таких проколов. Что на нее нашло сегодня?

– Оставь это, – сказал он тихо, акцентируя каждое слово. – Верни форму, забирай свои сегодняшние чаевые и уходи. Ты больше тут не работаешь.

Прежде чем она успела вставить хоть слово, он поднялся и вернулся на кухню.

* * *

Теперь Гай бежит.

Ему предстоит еще многое успеть. Невозможно подготовить все заранее. Есть вещи, которые нужно делать в последний момент или хотя бы убедиться, что все происходит так, как надо, и тогда, когда надо.

Гай пока не достиг того уровня, когда может позволить стакану упасть, а потом сидеть и смотреть, как события сменяют друг друга. Ему приходится самому легонько подталкивать их в нужный момент.

* * *

Ему, по-видимому, придется снова делать фотокопии всех материалов.

Вторая официантка – не та, что собирает осколки с пола и выглядит при этом так, будто через секунду заплачет, – подходит к нему с большой пачкой бумажных полотенец и помогает промокнуть ту влагу, которую конспекты еще не успели впитать. Молча и быстро они наводят порядок на столе. Бóльшую часть бумаг он оставляет.

– Это можно выкинуть, – говорит студент. – Я просто заново скопирую.

– Обидно. – Официантка поджимает губы, выражая соболезнования.

– Принесите мне счет. Мне пора.

Она кивает и разворачивается, и в этот момент он улавливает запах ее духов.

Давно спящий тревожный звоночек раздается звонким эхом в его голове. Духи Шарон. Этого еще не хватало.

Моргнув, он продолжает убирать непромокшие конспекты в сумку. Когда стол уже сверкает чистотой, официантка подает ему счет.

Он неосознанно задерживает дыхание при ее приближении, чтобы снова не вдохнуть этот запах.

Когда она уходит, он отрывает взгляд от счета и замечает, что вторая официантка, та, что уронила кружку, выходит из кафе в повседневной одежде.

* * *

Гай расположился на автобусной остановке и открыл свой маленький блокнот.

Здесь девушка не должна была его увидеть, но тем не менее он на всякий случай сделал вид, что увлечен блокнотом.

Он открыл его на странице с одним из своих первых заданий. Нужно было сделать так, чтобы некий рабочий на обувной фабрике потерял работу. Этот человек был гениальным композитором, но даже не подозревал об этом. На первом этапе Гаю нужно организовать увольнение, а на втором – открыть для него мир музыки так, чтобы это побудило его сочинить что-нибудь.

Довольно сложное задание для начинающего творца совпадений, к тому же не такое вдохновляющее, как те задания, о которых он мечтал.

Однако Гай был довольно амбициозным парнем. Он замахнулся на что-то, что было гораздо выше его способностей. Беглый взгляд в блокнот напомнил ему, что тогда он прибегнул к помощи одной особенно нервной козы, вакцины против гриппа и блэкаута, парализовавшего работу всего завода.

У него, естественно, ничего не вышло. Уволили кого-то другого за то, что тот не рассчитал точно время прибытия рабочих на завод. Это было еще в те времена, когда Гай проводил расчеты только на уровне отдельного человека и не смотрел на более широкую картину, забывая все, чему их учил Генерал. Он не уделил должного внимания карте пробок утром в четверг в районе, где жил его композитор, и кто-то другой оказался в нужное время в нужном месте.

Все, что он пытался провернуть, было расписано на четырех страницах блокнота. Четыре страницы! Черт побери, да что он о себе возомнил?

Кто-то другой организовал увольнение через пять месяцев, а также сумел вернуть уволенного по милости Гая человека на освободившееся место. Гай понятия не имел, кто это сделал. Он прикинул, что его ошибка стоила нескольких музыкальных произведений, которым не суждено быть написанными.

Не все его ошибки были исправлены. Не всегда есть второй шанс.

На противоположной стороне дороги он увидел, что официантка, уронившая чашку, приближается к автобусной остановке.

* * *

Ей казалось, что сейчас весь мир крутится вокруг ритмичного цоканья ее шагов по тротуару, легкого шороха от трения руки об одежду и прикосновения ярлычка рубашки к коже. Когда она нервничает, она обращает внимание на мелочи.

Она недавно это поняла.

Странно, но сейчас ее беспокоит не само внезапное увольнение, а то, что это произошло не так, как она себе представляла. Все меняется так легко, за секунду? Жизнь не должна поступать с тобой подобным образом. Она должна медленно сообщать тебе новости, хорошие

они или плохие. Не бросать такие камни в твое озеро и не указывать со злорадной улыбкой на круги, нарушающие спокойствие воды. Почему Ширли кажется, что все случившееся похоже на столкновение лоб в лоб с дальним знакомым ровно в тот момент, когда ты заворачиваешь за угол?

Недавно прошел первый дождь, но яркое и теплое солнце уже заливало улицу, в воздухе витал запах чего-то нового. Маленький коричневый ручеек стекал вдоль обочины дороги в канализацию, и дерзкий автобус проехал мимо прямо по нему, забрызгав ее грязной водой и еще раз намочив туфли. Конечно же, она опоздала на свой автобус. Такой уж это был день.

Она просто обязана закончить его без серьезных телесных повреждений или чего-то подобного, а завтра уже будет более терпимо. Завтра будет время оценить ущерб, тщательно проверить фортификации и спокойно решить, по какой дороге идти дальше. И главное – куда.

Она злится на саму себя за склонность драматизировать. Всего-то – уволили с работы. Это не то, о чем будешь рассказывать внукам или психологу. Всего лишь дурацкий день. Ты с такими уже на короткой ноге. Вы хорошие друзья. Пожалуйста, без драм.

Она поднимает руку. Этого автобуса час прождешь – не дождешься. Лучше уж попутка, на ней она доедет быстро, а дома будет долго стоять под душем, и затем в кровать. А завтра посмотрим. Поищем работу, подумаем, что делать с платой за квартиру за ближайший месяц, выясним, как отмыть туфли.

* * *

Гай беспокоился. Девушка выглядела недостаточно расстроенной. Он ожидал средне-высокого уровня отчаяния.

Может быть, это не так уж и плохо: она останется открытой для всего нового.

Кроме того, легкое отчаяние, приправленное щепоткой грусти, может заставить ее почувствовать потребность в ком-то, на кого можно опереться.

Или, наоборот, из-за этого она начнет избегать людей.

Идиот, я должен был это предусмотреть. Точно рассчитать потенциал ее расстройства. Нужно минимизировать риск ошибки во всем, что касается выбора. Это будет мне первым уроком. Ладно, не совсем первым. Скорее уже пятым.

А может, даже десятым. Я уже не помню.

В любом случае она выглядела недостаточно расстроенной.

* * *

– Что там произошло? – спрашивает он.

Один из прохожих остановился:

– Что?

– Что там произошло? – снова спрашивает он. – Почему все стоят?

– Какая-то канализационная труба взорвалась, – ответил прохожий. – Эту улицу перекрыли.

– Ясно, спасибо.

Он объедет вокруг. Если повернет направо, а потом снова налево, то должен проехать по дополнительному маршруту и добраться до… Нет, там нет въезда. Может быть, повернет два раза направо, а потом налево, на ту улицу с односторонним движением. Или, может быть, это не улица с односторонним движением, а тупик? Шарон всегда над ним смеялась:

– Как, как ты окончил офицерские курсы, если не можешь ориентироваться в городе?

– В городе все по-другому, – отвечал он ей.

– В городе же проще!

– На курсах не было тебя, ты меня отвлекаешь.

Она улыбалась этой своей улыбкой, немного наклонив голову. Улыбкой Моны Лизы «вне игры».

– Нет, правда! – говорил он. – Карты, улицы, схемы, направления – у меня все в голове перемешалось. Для меня сейчас есть только два места – рядом с тобой и не рядом с тобой. Как я должен искать дорогу в кинотеатр? А? Скажи мне?

Она немного нагибалась и шептала ему на ухо:

– Налево до конца, потом направо, а потом прямо через площадь, командир.

Пропали конспекты, ну и что. Он не позволит этому испортить свой день. Или другой день. Любой день.

Он приедет домой, забросит эти дурацкие бумажки в самый темный угол квартиры, спустится вниз, возьмет напрокат в автомате какую-нибудь комедию, самую идиотскую, которую найдет, – что-нибудь про американских студентов, или невротичных британцев, или быстро говорящих испанок, – и будет без зазрения совести расслабляться в компании пива и орешков.

Или сходит на море, тоже вариант.

В любом случае важно, чтобы было пиво. Пиво обидится, если его не возьмут. С пивом шутки плохи, это он твердо усвоил.

Он запрокинул голову назад и зарычал. Каждый раз, когда он откладывал задания по учебе, его настроение резко улучшалось. Он чувствовал себя таким живым! Ему нравилась эта «зона» за пределами обязательств, в ней было весело и интересно, ты проходил ее подобно потоку.

Настанет день, и я стану учителем дзен-буддизма, думал он. Рассажу всех по машинам и позволю людям рычать и смеяться над жизнью.

Но пока ограничусь тем, что буду милым. Помогу старушке, подберу автостопщика, куплю цветок и подарю первой встречной девушке.

Он снова рычит.

* * *

Люди по-разному реагируют на события.

Слабости у людей тоже разные. Слабые стороны своего клиента Гай выявил где-то на середине подготовки.

Ни одна из них особенно не беспокоила его, кроме того факта, что он с трудом ориентируется на улицах города.

На этот случай Гай припас один военный документальный фильм и вставил его в телепрограмму вчерашним вечером. Он любил менять программу передач. Любил воздействовать на мысли людей посредством изменений в программе передач. Это относительно легко и вместе с тем весьма захватывающе. На больший риск он не решался.

Но после того как студент посмотрел вчера этот фильм, появился довольно высокий шанс (Гай чувствовал это), что, когда он спросит себя, куда ехать, выйдя из кафе, в голову ему придет что-то вроде «налево, направо, налево».

В любом случае все остальные дороги перекрыты.

* * *

Слишком много времени прошло. Она должна поймать наконец попутку или хотя бы сесть на автобус – что придет раньше. Она лениво поднимает руку и пытается прикинуть вероятность найти новую работу на этой неделе.

Именно в тот момент, когда она заключает, что шансов никаких, около нее останавливается маленькая голубая машина, и водитель открывает окно.

Она говорит коротко и по делу, будто на автопилоте, и садится в машину. В следующую секунду, после того как дверь закрывается, девушка замечает, что водитель – тот самый студент из кафе.

Он улыбается уголком рта, переключает передачу и трогается с места.

Теперь, когда они едут, она уже не провалится сквозь землю, даже если сама земля этого захочет.

* * *

Она милая, к тому же неболтливая. Сводящее с ума сочетание, думает он.

Кажется, ты не способен избежать фантазий об отношениях с первым встречным существом женского пола, отчитывает он себя. Иди себе своей дорогой, друг.

Но по сути, если уж идти на море с пивом…

* * *

В его оправдание можно сказать, что он очень старался.

Она почти целую минуту считала про себя, прежде чем он сдался и заговорил.

– Он на тебя не сильно кричал, я надеюсь? – спросил он с легкой улыбкой.

– Нет, он не из таких. Когда он злой, то просто очень отчетливо выговаривает слова.

– Отчетливо?

– Каждое слово. Как. Соринки. В. Глазу.

– Насколько отчетливо он говорил в этот раз?

– Он меня уволил. – Она пожала плечами.

То ли взглянул обеспокоенно, то ли нет.

– Правда?

– Правда.

Никогда еще слово «правда» не произносили так остро и резко. Это, дорогой мой, было последнее слово в разговоре, подумала она. Надеюсь, ты понял.

Есть в ней такая черта.

Она любит коверкать светские беседы. Ломать принятую последовательность самоочевидных вопросов и ответов, вставлять неподходящее слово или неуместное предложение, чтобы заставить всех замолчать, почувствовать себя неловко, заерзать: «Она, кажется, о-о-очень не хочет разговаривать».

Не говори со мной о работе. Вообще со мной не разговаривай. Веди машину.

Я тут чисто случайно.

Просто веди машину.

– Мм, мне жаль это слышать.
– А мне жаль твои бумаги. Кажется, все конспекты залиты.
– Ерунда, сделаю новые ксерокопии.
Теперь он пожал плечами.
– Тогда ладно.
– Правда, ерунда.
– Ясно. Тогда мне не жаль.
Она улыбнулась самой себе.
– Мм, да.

– Я Дан.
– Ширли.
– У меня племянницу зовут Ширли.
А мне-то что?
– Ничего себе.
– Да.

* * *

Гай считал вдохи. Он знает, что это полезнее, чем считать секунды. Однако считать вдохи довольно трудно, когда ритм дыхания сбит.
Он вынул мобильник из сумки и немного подождал.
И еще немного.
Этот разговор можно назвать страховым полисом, не правда ли?
Он набрал номер.

* * *

– Я высажу тебя раньше на один поворот, ладно? Если я сюда сверну, то, кажется, попаду на одностороннюю улицу.
– Нет проблем. – Она позволила себе улыбнуться.
– Ты живешь близко к морю.
– Да, довольно близко. – Это шаг вперед.
– Часто ходишь на море? – Это его попытка.
– Случается иногда. Не особо. – Два шага назад.
– Я иногда бываю. Хорошо прочищает голову.
– Да ну. Шум волн мешает мне сосредоточиться.
– Чтобы прочистить голову, не надо сосредоточиваться.
– Как скажешь.
Она улыбнулась. Это хорошая улыбка. То есть улыбка – это хорошо, так?
– Я, может быть, пойду сегодня вечером, хочешь присоединиться?
– Послушай…
– Просто так. Я возьму пива, а ты захвати чего-нибудь погрызть, если хочешь. Посидим, поболтаем. Я серьезно.
– Вряд ли.
– Обычно я жду, пока диалог сам завяжется. Очаровываю всякой бессмыслицей. Я не из торопливых парней, но просто мы скоро приедем, и…
– Я не в теме.
– Какой теме?

– Отношений.
– Вообще?
– Вообще.
– Монашеский обет?
– Скорее, забастовка.
– Почему?
– Это сложно.
– Сколько ты уже бастуешь?
– Я не думаю, что сто́ит… что за шум?
– Кажется, это из твоей сумки.
– Черт, это мой телефон.
Копается, копается, копается в сумке…
– Алло?

– Привет.
– Да?
– Это Дана?
– Нет.
Она почувствовала, что ее бровь сама собой поднимается от раздражения.
– Алло?
– Нет, нет, это не Дана.
– Дана?
– Нет тут никакой Даны. Ошибка. Алло?
– Алло?
– Ошибка! Ошибка! – кричит она.
Она отключается и кидает телефон в сумку, лежащую у нее в ногах.
– Уф, сумасшедший день.

* * *

Гай положил телефон обратно в карман.
Все, осталось только надеяться. Теперь домой.
И стену перекрасить.

* * *

– Кажется, приехали.
– Класс. Спасибо.
– Я больше тебя там не увижу?
– Нет, меня же уволили.
– И забастовку не прекратишь?
– Нет.
– Я вменяемый. Абсолютно. Проверяюсь у лучших специалистов.
– Не сомневаюсь.
Последняя улыбка, поднятые брови.
– Нет даже одного шанса на миллион? И телефон не оставишь?
Ему давно пора было бы сдаться.
– Нет, спасибо.
Пойду-ка я отсюда.

* * *

На стене была нарисована огромная подробная схема последнего задания. Она представляла собой два круга, в одном из которых было написано «Ширли», а в другом «Дан», и несметное количество линий, которые из них выходят.

Сбоку были длинные списки черт характера, стремлений, желаний.

Еще на схеме было много-много кругов, соединенных между собой голубыми линиями (действие, которое нужно совершить), красными линиями (опасность), штриховыми линиями (возможное событие) и черными линиями (взаимосвязь, которую нужно учесть), и внутри каждого круга мелкими буквами вписаны слова «Бруно», «Юли», «канализационная труба», «автобус № 65» и еще несколько десятков элементов, на первый взгляд не имеющих отношения к делу, например: «Путь к мечте: курс молодого бойца – документальный фильм», «электрик Давид», «Моник, жена Давида». Левый нижний угол был отведен под расчеты. Сколько кофе должно быть в чашке, чтобы сделать ее падение достаточно эффектным, сколько духов должно остаться в пузырьке Юли, сколько кубов воды протекает через канализационную трубу в час, желаемая глубина луж на пути автобуса, список песен, которым девочки любят подпевать.

Помимо этого, там был список мастеров по ремонту кондиционеров, тем разговора, связанных с пеликанами, коды доступа по меньшей мере девяти банков, состав ирландского пива, программа передач для телеканалов трех стран, выражения для пожелания удачи на разных языках, часовые пояса, ассоциативные связи, которые можно усмотреть между Перу и козьим молоком, и еще сотни деталей, написанных мелкими разноцветными буквами, и линии, соединяющие все возможности и субвозможности, и связи, и мысли, и случайности, которые могут привести в одну точку.

Да, определенно, он уже очень давно перестал работать в блокноте.

* * *

– Привет.
– Привет.
– Это Дан?
– Да.
– Мне кажется, я у тебя телефон оставила.
– Да, он лежал на полу в моей машине.
– Видимо, я его туда уронила, вместо того чтобы положить в сумку.
– Видимо. В итоге ты мне все-таки оставила телефон.
– Выходит, что так.

Наполовину молчание, на четверть безмолвие, на десятую часть напряженные ожидания.

– Сможешь заехать ко мне вернуть телефон?
– Да, конечно.
– Отлично.
– Но у меня есть идея получше.
– Какая?
– Я на море. Приходи и забирай.
– Мм, хорошо.
– Отлично, договорились.
– Мне нужно где-то четверть часа.
– Я не тороплюсь.
– Тогда до встречи.

– Ширли?

– Да?

– У меня тут есть выпить, принеси закуску, если можешь.

Точно рассчитанный угол бросания трубки в гневе, тонкие длинные трещины в дамбе одиночества, рычание, долго отзывающееся эхом внутри машины, – все сосредоточилось в итоге в одной точке.

– Хорошо.

* * *

Ночь. Море. Очередная парочка сидит и разговаривает. Ничего особенного. Полуулыбки, скрытые в темноте. Газеты, раскиданные по полу, и еще один слой краски на видавшей виды стене.

Где-то в несуществующем аэропорту на электронном табло появилась еще одна строчка в колонке «Любовь – прибытие».

В колонке «Причины» высветились слова «совпадение второго порядка».

Еще один день прошел.

2

На следующий день, когда Гай проснулся, еще можно было почувствовать легкий запах краски в воздухе, несмотря на то что он оставил балкон открытым на всю ночь.

Он мысленно похлопал себя по плечу. Естественное пробуждение – это еще один хороший знак. Ты становишься профессионалом.

Профессионалом настолько, что можешь заснуть после удачного задания. Профессионалом настолько, чтобы знать: после того как ты сделал свое дело, не нужно задерживаться слишком долго на поле боя и проверять, что происходит с клиентом. Профессионалом настолько, чтобы не хлопать глазами всю ночь, пытаясь поймать момент, когда конверт подсовывают под дверь.

Не то чтобы ему когда-либо удавалось поймать этот момент.

В итоге он всегда засыпал. Всего на несколько минут, но этого было достаточно. Когда он просыпался, то обнаруживал, что кто-то уже пришел и сунул коричневый конверт под его входную дверь.

Однажды он лежал в кровати, в крови играл адреналин после удачного совпадения, в котором он предотвратил измену женщины ее возлюбленному, и он ждал следующего конверта. Во всей квартире было темно, за исключением освещенного пятачка перед дверью, и кровать стояла под углом, позволявшим увидеть конверт, когда он появится.

Он посмотрел на часы, было ровно 4:59. Потом он, утомленный, моргнул один раз – и задремал на несколько мгновений. Когда открыл глаза, было 5:03, и большой коричневый конверт уже лежал в квадратике света, как насмешка.

Он скатился с кровати, упал и подвернул ногу, но худо-бедно добежал до двери, распахнул ее настежь и поспешно огляделся по сторонам. Лестничная клетка была пуста. Он прислушался, но не услышал никаких шагов. Тогда, оставив дверь открытой, он ринулся вниз по лестнице, наступая на больную ногу, подпрыгивая, дергаясь и перемахивая через две ступеньки, при этом крепко держась за перила и стараясь не кричать от боли при каждом шаге. Наконец он выскочил на улицу и стал по всем сторонам высматривать того, кто принес конверт.

Улица была пуста, первые девственные лучи солнца начали прогревать холодный ночной воздух.

Гая немного трясло, его сонный разум был потревожен резким переходом из состояния долгого лежания и сонливости в паническую и причиняющую боль гонку холодным утром. Несколько легких судорог в плечах передали ему однозначное сообщение тела: «Ты спятил?»

Он вернулся обратно в квартиру. Пока шел наверх, решил, что ему не так уж и важно, кто именно кладет конверты под дверь.

Но теперь-то он профессионал, так?

Какая ему разница, что происходит вокруг. Он должен делать свою работу, и делать ее так, чтобы события, за которые он отвечает, происходили самым естественным образом и все шло как по маслу. И это все.

Он медленно поднялся с кровати, наслаждаясь считаными минутами покоя перед получением нового задания.

Скоро он выйдет из спальни в гостиную и вскроет конверт с этим новым заданием, лежащий с внутренней стороны двери. Первый лист будет содержать общее описание. В последнее время ему слишком часто приходилось сводить вместе влюбленных, может, хоть в этот раз будет что-нибудь другое.

Задания бывают разные: изменение мировосприятия, воссоединение семьи, примирение врагов, ниспослание вдохновения для создания произведений искусства, внедрение нового

понимания чего-либо, а если повезет, то и инновационное научное открытие. Первый лист содержит описание. Участники, контекст, ближайшее окружение и стандартные указания насчет хронометража.

Кроме этого, есть еще ряд более мелких брошюр, в которых содержится информация о задействованных лицах. Имена, места, полномочия, статистика о принятии решений по тем или иным вопросам, сознательные и неосознаваемые убеждения. Есть также брошюра, в которой описаны желаемая цепочка случайностей и последствия, которых следует избежать. Недавно он должен был соединить будущих возлюбленных, но инструкция гласила, что девушке запрещено встречать кого-то из членов семьи юноши до того, как она встретит его самого, и нельзя, чтобы алкоголь участвовал в процессе знакомства.

Инструкция, полученная несколько месяцев назад, запрещала прибегать к экстренным медицинским случаям, чтобы создать совпадение, которое в итоге должно было пробудить у клиента новое понимание смерти. Это сильно усложнило задачу.

На последних страницах инструкции есть указание широты спектра действий, которые можно предпринимать в ближайшее время. Вчерашний взрыв в канализационной трубе являлся дозволенным действием. На самом деле инструкция почти требовала сделать это, потому что так можно создать благоприятные условия для череды более сложных совпадений (по всей видимости, четвертого уровня), которые происходили параллельно. Очевидно, что Гай мог выполнить это задание, и не взрывая канализацию. Есть тысяча других способов перекрыть улицу.

Такого рода дополнительные действия всегда доставляли массу проблем. Трудно предугадать заранее весь масштаб последствий, если инструкция их четко не определяет. Может быть, это и возможно, но тогда придется чертить схему размером с фасад десятиэтажного здания. Гай еще не на том уровне, но еще немного – и достигнет его.

Был в конверте и стандартный бланк отказа, который никто всерьез не воспринимал. «Сим удостоверяю, что в здравом уме решил покинуть настоящую должность», бла-бла-бла.

Гай вошел в гостиную, конверт лежал у двери.

Он позволил себе пока игнорировать его и направился в ванную. Глаза все еще слипались.

Ночью ему снова снился тот самый сон. Каждый раз в другом месте, но всегда одно и то же. Картинка нечеткая. То он стоит посреди леса, то в центре футбольного поля, то внутри огромного банковского сейфа, то на мягком облаке…

На этот раз он стоял в пустыне. Километры и километры твердой земли простирались перед ним, испещренные ломаными трещинами на бесконечной желтовато-коричневой поверхности. Куда бы он ни смотрел, везде лишь сушь до горизонта. Палящее солнце припекало голову.

В этом сне он, как всегда, знал, что она стоит позади него. Спина к спине. Он чувствовал ее присутствие. Это могла быть только она.

Он пытался повернуться, оторвать взгляд от бесплодного пейзажа и оказаться с ней лицом к лицу. И как всегда, тело не слушалось его. Он почувствовал легкое дуновение ветра на шее, попытался позвать ее и в этот момент проснулся.

Раз в несколько дней приходил к нему этот сон, как занудный друг, не понимающий намеков, и каждый раз с вариациями. Это уже начинало надоедать.

Когда ему будут сниться нормальные сны?

Пока Гай чистил зубы, запах краски и покалывающее ощущение в предвкушении нового задания понемногу разбудили его. Он любил ненадолго откладывать вскрытие конверта. Только через час, когда Гай доделал все утренние дела и почувствовал себя окончательно

проснувшимся, он сел на диван, поставил на стол чашку кофе и все с тем же легким покалыванием в пальцах вскрыл конверт.

В этот раз он был особенно легким и тонким. Гай недоумевал почему, но потом понял, что в конверте всего один листок бумаги. Время, место и одно предложение. «Как насчет стукнуть тебя по башке?»

Из «Технических приемов в организации совпадений». Часть А

Среди историков творцов совпадений преобладает мнение, что «вброс клише» (ВК) – это один из самых древних приемов, который, по всей видимости, был разработан Жаком Бруфардом еще до официального становления прочих классических приемов.

Вброс клише считается одной из самых простых и экономичных техник, излюбленным приемом начинающего творца. Поэтому рекомендуется применять ВК уже на первом месяце курса. Вместе с тем, из-за неоднозначности предмета, что было выявлено в исследованиях Флоренс Буншет, принято, чтобы инструкторы заранее оговаривали клише, а слушатели курса отрабатывали преимущественно технические аспекты вбросов, такие как сила, дикция, паузы и расположение относительно объекта.

В течение ближайших недель вам будут розданы различные высказывания для тренировки. Вы должны будете вбрасывать их в то время и в том месте, которое укажет инструктор.

Существуют три общепринятых способа ВК, и все три будут отработаны в ходе курса сначала в теории, а затем на практике. Упражнения будут выполняться в людных местах, например в очередях в больничную кассу, в кинозалах, банках, в толпе во время представлений или в людных ресторанах. Студент должен отрабатывать прибытие на место в зоне слышимости желаемого объекта и точный хронометраж вброса клише. В большинстве случаев целью вброса (любого вида) является внедрение высказывания, до которого не доходит стандартный ход мысли объекта, и провоцирование таким образом новых мыслительных процессов. Очевидно, что клише должно быть произнесено в адрес собеседника, третьего лица, так, чтобы объект услышал его как бы случайно.

Классический ВК. В классическом ВК (КВК) используются наиболее распространенные клише. «Если он поверит в себя, то справится», «правда внутри тебя» и «о пролитом молоке не плачут» – хорошие примеры. На сегодняшний день КВК используются в основном для теоретических упражнений, так как они воздействуют на малое количество людей. Исследования доказали, что большинство населения привито от них.

Постмодернистский ВК (ПВК). Как правило, используется метод «от противного». «У этого мелкого ничтожества нет шансов» – это первый ПВК, успешно испытанный на участнике лошадиных скачек основателем ПВК Мишелем Клатьером. Обратные утверждения обычно порождают сильную реакцию сопротивления у объекта, если только он не окончательно разочаровался в себе. Ответственность за проверку объекта перед применением ПВК лежит на инструкторе.

Клиентоориентированный ВК (КВК). Это наиболее распространенный на сегодняшний день тип ВК. Творец совпадений должен досконально изучить характер объекта, чтобы определить ключевые слова, события и ассоциации, которые могут повлиять на него. Тренировка КВК происходит только на втором этапе курса после освоения вводного урока по исследованию личности.

Правила безопасности при ВК:

1. Всегда передвигайтесь парами. Люди не верят тем, кто говорит сам с собой. К тому же так вы сможете ободрять друг друга, поправлять ошибки и давать комментарии. В начале беседы говорите приглушенным голосом, а когда дойдете до самого клише, произнесите его

более громко. Одиночный ВК (например, во время инсценированной беседы по телефону) разрешено осуществлять только дипломированным творцам совпадений.

2. Вброс должен быть строго целенаправленный: если вас может услышать случайный прохожий, убедитесь, что высказывание на него не повлияет. 20 % неполадок при организации совпадений происходит по причине ВК, услышанного не тем человеком.

3. Разумное использование цинизма и сарказма – у тех, кто практикует ПВК, есть тенденция прибегать к цинизму и сарказму, чтобы донести мысль. Убедитесь, что клиент способен уловить подобные нюансы, и пользуйтесь ими с осторожностью.

4. Слежка: не производите вброс без последующего наблюдения! Всегда проверяйте, возымели ли ваши утверждения нужное действие, и вносите необходимые исправления, прежде чем продолжать.

3

Самолет приземлился почти идеально и через несколько минут остановился.

Погасли таблички «Не курить», пассажиры встали со своих мест и ринулись в бесполезной гонке к выходу из самолета, обратно в мир, в котором свет автоматически зажигается в холодильниках, но не в туалете.

Самый эффективный и самый тихий убийца в Северном полушарии сидел в своем кресле и терпеливо ждал, пока все выйдут. Он всегда был терпелив, и с чего бы ему меняться из-за какого-то перелета. Он сумел абстрагироваться от волнения, которое все-таки чувствовал. Ладно, волнение – слишком сильно сказано. Скорее, состояние готовности. Работа на новом месте всегда бодрила его. Он спрашивал себя, является ли это странное ощущение в животе – маленький твердый шарик, который появился там во время взлета и не рассосался даже после стольких часов полета, – является ли оно следствием тревоги, связанной с предстоящим делом (чего он давно уже не чувствовал), или же происходит из-за беспокойства по поводу багажа.

А может, это вообще несварение желудка.

Мясные тефтельки его тети всегда вызывали у него странные ощущения, еще с тех пор, когда он был ребенком. Только вот тогда это проявлялось в виде метеоризма, а не в виде мнимого маленького стального шарика, парящего в животе. Видимо, речь идет все-таки об особом типе нервного возбуждения. Он надеялся, что полчаса качественного сна под кулачные бои по телевизору приведут в порядок его голову.

То есть желудок.

Он вышел из самолета, молча улыбнулся стюардессам, которые улыбнулись ему в ответ, проявляя павловский условный рефлекс, и остановился на секунду, чтобы оценить обстановку. Солнце стояло в зените, было весьма жарко. Он понял, что придется купить солнечные очки.

Спускаясь по трапу, он недоумевал, как до сего дня обходился без солнечных очков. Ведь речь идет о статусной вещи в его профессии. Как может уважающий себя киллер не иметь солнечных очков?

Я уважающий себя киллер? Он размышлял, пока стоял в автобусе, который вез его и еще пятьдесят человек, так отчаянно бежавших, чтобы оказаться в автобусе раньше всех. К нему всегда относились иначе, чем к обычным убийцам. Это одна из его особенностей. Он не такой, как все. Он действует по-другому. Может, ему надо держаться не как уважающий себя киллер, а как, скажем, туристический агент, который испытывает к себе всего лишь симпатию? Носят ли очки туристические агенты, испытывающие к себе всего лишь симпатию? А как насчет складного ножа в носке? Это весьма неудобно, это мешает ходить и отвлекает. Если он начнет относиться к себе как к туристическому агенту, а не как к киллеру, сможет ли он наконец избавиться от этого дурацкого ножа и ходить в носках, как нормальные люди?

Так бывает, когда не ты выбираешь профессию, а она тебя. «Нормальный» в данном случае – не более чем просто слово.

Немногие люди знают его по имени. И вовсе не потому, что это секрет, а в основном потому, что в его профессии никого не интересуют имена.

Люди больше запоминают клички. Чума, Черная Вдова, Поющий Мясник, Молчаливый Вешатель – вот что в ходу. Легко запоминающаяся кличка – это преимущество. Людей, которые были с ним лично знакомы, можно по пальцам перечесть. В большинстве своем это были те, кто убеждал других нанять его. Убеждение начиналось обычно с небольшой «речи для руководителя», адресованной тем, кто на самом деле ничем не управлял, даже если им казалось наоборот.

Речь обычно начиналась так: «Он очень, очень эффективен». Весьма положительная характеристика. Потом та сторона, которая определяла себя как руководитель, спрашивала: «Но почему его так зовут?» И убеждающая сторона, вместо ответа на этот вопрос, добавляла: «И он очень, очень тихий».

В этом месте руководитель качал головой, оставлял ненадолго беспокоивший его вопрос и принимался выяснять, может ли «твой парень» выполнить «одну работенку». И только после того, как услышал подробности, удовлетворяющие его, он снова спрашивал: «И все-таки почему его так зовут?» – на что получал примерно такой ответ: «Это просто кличка. Может, связано с одной из прошлых работ». Потому что все-таки часть правды лучше не говорить или хотя бы сообщать ее после того, как работа сделана.

Он сидел на кровати в гостиничном номере на пятнадцатом этаже, и перед его глазами сверкало море.

Справа от него стоял чемодан, слева – клетка.

– Это море, Грегори. Красиво, правда?

Грегори не отвечал.

– Надеюсь, ты не слишком страдал там, под сиденьем.

Грегори был занят и совершенно не собирался беседовать.

– Ладно, – сказал он, – пойду принесу тебе чего-нибудь поесть.

Грегори понюхал воздух. Он и правда немного проголодался.

Его могли бы назвать самым тихим убийцей в Северном полушарии, но такое имя не запомнилось бы. Может, потому что слишком длинное, а может, потому что люди легче запоминают что-то необычное. Поэтому он стал Человеком с Хомяком.

Ему плевать. Он любит Грегори.

Он вытащил его из клетки, немного погладил, и шарик в желудке стал уменьшаться, пока не исчез.

4

Эмили и Арик ждали Гая за их обычным столиком.

Эмили сидела спиной к окну, потому что «так свет падает на всех», а Арик со своей позиции мог наблюдать за посетителями кафе и за прохожими на улице.

– Это профессиональное, я так тренируюсь, – объяснил он.

– Тренируешься? – улыбнулся Гай.

– Естественно. Не будь таким недоверчивым.

Арик откинулся назад и взял стакан апельсинового сока так, будто это был бокал с коктейлем мартини.

– В нашей профессии важно развивать инстинкты, продолжать исследовать тайные и подсознательные интеракции между людьми, то, как незначимые детали влияют на процессы. Ну, ты знаешь.

– Да. – Гай пожал плечами. – Я знаю.

– Кроме того, – продолжал Арик, – в мире столько прекрасного. Жаль упустить.

– Насколько я понимаю, ты вчера устроил удачное совпадение, – сказал Арик, когда Гай сел рядом с ними.

– Надо полагать, – промямлил Гай.

– И видимо, снова сводничество, – сказала Эмили.

– Что-то вроде, – сказал Гай.

– Ты бываешь слишком предсказуем, – сказала она. – Ты никогда не приходишь вовремя после удачного сводничества. Я думала, что с течением времени тебя это будет меньше трогать.

– Я обожаю такие задания, – сказал Гай. – Что поделать.

– Ты дешевый популист, – заключил Арик. – Сводничество – это наиболее обратимый тип задач, и с точки зрения статистики у них самая низкая корреляция между нашим вкладом и полученным результатом. Ты просто работаешь на рейтинг. Мало усилий и легкий высокий заработок.

– А как ты измеряешь результат? – спросила Эмили.

– И вообще, с каких пор ты ранжируешь задания? – спросил Гай.

Арик немного поковырял вилкой остатки сиропа в тарелке, где двадцать минут назад высилась большая горка панкейков.

– Я не ранжирую. Я пытаюсь подходить с одной и той же меркой и с одним и тем же почтением к каждой цепочке совпадений, которую мы организуем. Важен способ, а не результат. Нужны элегантность, стиль. Это ведь немного сродни волшебству, ты заставляешь клиента смотреть в одном направлении, а сам незаметно делаешь что-то в другом месте.

– Ну началось, – сказала Эмили.

Гай со стоном закатил глаза.

– Говорите что хотите, но великий творец совпадений – это тот, кто может создавать элегантные и плавные последовательности. Как произведения искусства, а не простой набор причин и следствий, которые в итоге привели к…

– Так это из любви к искусству теперь «как» стало важнее, чем «что»? – сказал Гай и повернулся к Эмили. – Что было в прошлый раз?

– Кажется, он разглагольствовал про разнообразие, – сказала она.

– А, верно, верно. «Если вы не хотите однажды проснуться и понять, что вы ненавидите то, что вы делаете, вы должны избегать повторений».

– Что-то в этом роде.

– Конечно, я забыла те его жесты.

– Ничего, ты и так смогла передать атмосферу.

– Спасибо.

– Не за что.

Они улыбнулись ему.

– Вы слишком патетичные, – сказал Арик, – я тут трачу на вас драгоценную энергию, а мог бы пустить ее на блестящее совпадение, которое соединит меня и вон ту девушку на автобусной остановке, рыженькую, с каре.

– Естественно. А мы патетичные, – сказал Гай.

– Ну правда, – сказал Арик, – возьмем, к примеру, того знаменитого творца совпадений, Поля-как-его-там. Три года он работал над художественным проектом и сделал так, чтобы «Темную сторону луны» пустили саундтреком к «Волшебнику страны Оз». Это же так здорово!

– Арик, никто никогда не видел твоего Поля-как-его-там. Этого не было, – сказала Эмили, – это просто байка, которую рассказывают на курсах, чтобы воодушевить студентов.

– Проверь в интернете. Это было. Шедевр! И он все спланировал сам. Гений!

– Ваш завтрак, – сказала официантка. Она появилась сзади Гая, поставила перед ним тарелку с яичницей, хлебом, маслом и маленьким салатом и добавила: – Сейчас принесу мятный лимонад.

Гай удивленно поднял глаза.

– Тебя правда видно насквозь иногда… – сказала Эмили.

Он кивнул и посмотрел в тарелку. В воображении перед ним вдруг рассмеялась Кассандра. «Ты? Не волнуйся, тебе в жизни ничего не скрыть от меня, сквозь тебя видно до горизонта».

Гай, Эмили и Арик встретились в первый день курсов для творцов совпадений, три года назад. Шестнадцать месяцев общей работы под руководством Генерала могут сплотить кого угодно, даже таких разных людей, как эти трое.

Шестнадцать месяцев, за которые вы зубрите вместе историю и альтернативную историю, обрабатываете более чем пятьсот отчетов о совпадениях за последние сто лет, сидите вместе в машине напротив здания всю ночь напролет только для того, чтобы попытаться доказать или опровергнуть теорию частотности открывания дверей Мольдани, и экзаменуете друг друга снова и снова по построению причины и облака следствий для каждого из событий, которые были показаны в последнем выпуске новостей.

На этих курсах, где ты учишься просчитывать вероятность того, что люди поступят так, а не иначе, с тобой что-то происходит – ты и самых близких людей начинаешь видеть как-то по-особенному.

Они называли себя мушкетерами (но потом перестали, потому что поняли, что это идиотизм), делали ставки, что будет завтра в новостях, основываясь на анализе сегодняшней сводки, и иногда устраивали друг другу маленькие испытания. Однажды Гай на спор с Ариком смог заставить жильцов целого этажа одновременно вывесить белье на просушку. Эмили после двух месяцев отчаянных попыток ухитрилась сделать так, чтобы на центральной автостанции в течение получаса находились лишь те автобусы, номер которых начинается на тройку. Гай считал, что у нее полгода уйдет только на то, чтобы понять принципы прибытия автобусов и сложные связи между этими автобусами и всем остальным транспортом в городе.

Арик же справлялся почти со всеми испытаниями меньше чем за неделю, а потом без умолку говорил о каждом таком успехе, так что в конце концов они перестали давать ему задания и позволили быть «судьей».

После курсов они минимум раз в неделю встречались за завтраком, рассказывали о своих последних совпадениях и давали друг другу маленькие советы.

– Так что у тебя сейчас? – спросил Гай у Эмили, уплетая яичницу.

– Я все мучаюсь со своим поэтом, – сказала Эмили. – Это крайне замкнутый и бесчувственный тип. Я-то думала, что поэты должны быть легкими, жизнерадостными и ненавидеть банальности, что для них каждое мгновение ценно.

– Ты удивишься, насколько топорно они могут мыслить, прямо как бухгалтеры, – сказал Гай.

– Он же и есть бухгалтер, нет? – спросил Арик.

– Да. – Эмили пожала плечами. – Я пытаюсь втянуть его в ситуацию, в которой он почувствует потребность писать, но у меня ничего не выходит. Он жуткий материалист, ну вы знаете. Мы все, мол, машины из генов с эволюционным механизмом, бла-бла-бла. Ни намека на чувства.

– Ты пробовала, например, захватывающий пейзаж? – спросил Гай. – Что-нибудь воодушевляющее?

– Он живет в трехкомнатной квартире в центре города, – вздохнула Эмили, – каждый день в половине восьмого уходит на работу, обедает в одиночестве, возвращается домой, выходит на часик на прогулку недалеко от дома, смотрит телевизор до одиннадцати, а на ночь читает научпоп. У него нет увлечений, нет хобби. Друзей у него немного, да и с ними он всего лишь обменивается лаконичными письмами по электронной почте или разговаривает по телефону минуты три. Он не гуляет, не развлекается, не ходит на море, в театр или куда бы то ни было еще, даже на ужин у него одно и то же каждый день. Как я должна изменить сознание у такого человека? Как заставить его осознать собственное предназначение, если он живет как автомат?

– М-да, сложный тип, – сказал Арик.

– Я вообще не уверена, что он способен мыслить в категориях предназначения, – сказала Эмили с сожалением. – Вечно я проваливаю сложные совпадения.

– Сколько времени у тебя осталось? – спросил Гай.

– Месяц. Я уже пыталась устроить ему случайные встречи с красивыми меланхоличными девушками, подкидывала томик стихов на лестничную клетку, даже делала так, что известный поэт проколол шину рядом с его домом и поднялся к нему попросить о помощи. Парень не понимает намеков. В нем будто нет никакого внутреннего стремления к поэзии.

– Это потому, что он уже занят, – сказал Арик.

– В смысле?

– У него другое на уме. Числа и факты, когда он на работе, и дурацкие телепередачи, когда он дома.

– И?

– Так уволь его.

– Что?

– Ты знаешь, что я имею в виду.

– А ты знаешь, что я не люблю этого, – сказала Эмили.

– Ты должна делать свое дело, и не важно, что ты там любишь или не любишь. Сделай так, чтобы его уволили с работы и чтобы из-за поломки у него неделю не работал телевизор. Если через неделю смотрения в стену он не попробует взять ручку и не начнет писать стихи, то тогда и правда нет шансов.

– Эта идея – пустить под откос всю жизнь человека ради его же блага – никогда мне не нравилась, – сказала Эмили. – Максимум, на что я способна, – это сделать так, чтобы кто-то не попал на прием к дантисту. Я не хочу увольнять его.

– Вернее, у тебя духу не хватит его уволить, – сказал Гай. – Арик прав. Судя по состоянию на данный момент, через месяц тебе придется докладывать о неудаче, а твой подопечный продолжит в том же духе и только лет через пятьдесят поймет, что прожил зря. А это, уж поверь, куда хуже увольнения.

– Но…

– Найди ему другую работу, раз ты такая мягкотелая, – сказал Арик.

– Если времени хватит, – добавил Гай.

Эмили с грустью смотрела в полупустую тарелку перед собой:

– Уф. Ненавижу, когда все идет не так, как надо.

– Тогда ты, по всей видимости, ненавидишь бóльшую часть того, что происходит в мире, – сказал Арик, и взгляд его обратился на улицу. – Кстати, это напомнило мне о совпадении, о котором я слышал года полтора назад.

– Тоже поэт?

– Нет, автомеханик, – ответил Арик.

– Вы помните, что у меня первым был композитор? – спросил Гай.

– Да, да, да, – ответил Арик. – Сейчас я говорю. Тихо. Фокус на меня, пожалуйста. Тут речь не о художественных талантах. Клиенту было уже шестьдесят пять лет, он работал в автомастерской. Вдовец, одна дочь, с которой он от большого ума решил разорвать все связи, потому что она вышла замуж, как ему казалось, не за того парня. Живет в однушке над мастерской, которая ему даже не принадлежит. Теперь поди сделай так, чтобы этот человек, который уже тридцать восемь лет работает на одном месте, развлекается тем, что злится на весь мир, и жалеет себя за то, что у него отняли жизнь, дочь, все, что угодно, проводит вечера за бутылкой, а по утрам дрыхнет, – сделай так, чтобы он возобновил связь с дочерью и чтобы это случилось, цитирую задание, «посредством активного действия, инициатором которого выступит он, а не вследствие случайной встречи с дочерью».

– Как это сделали?

– Если мне точно рассказали, то перепробовали почти все, как по книжке. Чужие люди возле него как бы ненароком произносили фразы, пробуждающие тоску, радио в мастерской сломалось и передавало только меланхоличные программы, в которых плачущие матери рассказывают душераздирающие истории о потерянных сыновьях, кто-то пригнал машину, бардачок которой был забит детскими книжками, – ничего не помогало.

– Дело кончилось тем, что его уволили? – спросила Эмили.

– Не-е-ет, – сказал Арик, – творцом был какой-то тип старой закалки, видимо. Он пришел к выводу, что никакие нормальные жизненные перемены, в том числе увольнение, не заставят его переосмыслить отношение к жизни. Он найдет другую мастерскую, чтобы отвлечься от одиночества, или будет сидеть дома и бить баклуши.

– И что же сделали? – спросил Гай.

Арик глотнул сока и сказал:

– Рак.

– Рак?! – Эмили была шокирована. – Не перебор ли это?

– Может быть, – сказал Арик, – но факт остается фактом: парню поставили диагноз «рак». Прошло почти полтора года с начала лечения, и после депрессии, гнева и невыносимой боли он просто начал разговаривать с людьми вокруг и спрашивать, о чем они мечтают. У него развилась навязчивая идея на тему человеческих мечтаний и того, что дает людям волю к жизни и ради чего стоит стараться. Он начал писать дневник и стал осознавать, насколько был глуп. И за день до того, как ему сообщили, что он выздоровел, – за день! – к нему пришла семнадцатилетняя девочка-волонтер от какого-то молодежного движения, и ее лицо напомнило ему изгнанную дочь. Это оказалась его внучка, естественно. И тогда, как по учебнику, на следующий день после того, как ему сообщили, что он выздоровел, он сделал две вещи: во-первых, сел в машину и поехал в дом своей дочери, и во-вторых, сделал предложение той, что его лечила.

– Вау, – сказал Гай.

– Абсолютно, – ответил Арик. – Но это не важно. Исполнитель получил выговор за превышение полномочий, а из-за того, что на задание изначально отвели только два месяца, его классифицировали как невыполненное.

– Даже после того, как он поехал к дочери?

– Статус задания был изменен, но выговор не убрали из досье. В качестве наказания он должен был организовать другую череду совпадений, чтобы тот дурачок с раком написал и опубликовал автобиографию. Предполагалось, что в будущем подобные методы не понадобятся благодаря этой книге, потому что клиенты смогут прочитать ее, вместо того чтобы переживать такой мучительный опыт. Если хотите знать мое мнение, дурацкое предположение.

Эмили и Гай сидели и слушали на своих стульях.

– Ну и история, – сказал Гай.

– Да уж, – подхватила Эмили, – если не обращать внимания на то, что это выдумка.

– Эй, зачем обижаешь! – сказал Арик.

– «После принятия бланка номер пятьдесят семь творцам совпадений запрещено вызывать у клиента опасные заболевания, причинять серьезные телесные повреждения или устраивать клиническую смерть во время выполнения заданий, не являющихся частью исторического процесса пятого уровня», – процитировала Эмили.

– Как ты это все помнишь, а? – спросил Арик.

– Твой рассказ неправдоподобен, – ответила Эмили.

– Выговор он точно получил, – пожал плечами Арик.

– Говорю же, этого не было, – сказала Эмили. – Ладно бы ты еще сказал, что произошла какая-нибудь авария, но рак? Как, как вообще это могло произойти? На нашем уровне у нас нет таких технических возможностей. Мы же не штаб.

– Может, я немного ошибся или преувеличил. Может, творец просто сделал так, что результаты обследования оказались неверными, и это на какой-то период заставило клиента думать, что у него рак, а по сути ничего не было, – сказал Арик.

– Преувеличил? – спросил Гай.

– Возможно, – ответил Арик.

Гай и Эмили посмотрели на него. У них уже был специальный взгляд для таких случаев.

– Что? – спросил он и добавил: – В любом случае мне кажется, что ты должна его уволить.

– Я подумаю об этом, – ответила Эмили.

Гай откинулся на спинку стула.

– Над чем ты сейчас работаешь? – спросил он Арика.

– У меня два задания, – ответил тот. – Одно из них я получил позавчера. Я должен сделать так, чтобы один неудачник нашел работу за три недели. Очень дурацкое задание. Мне нельзя прибегать к помощи правительственных учреждений, нельзя никого увольнять, и это должна быть работа, которая заставит его каждый день выходить из дома. Задание, из-за которого начинаешь думать, что ребята наверху просто хотят нас позлить. Может, они на нас ставки делают?

– А второе?

– Разве мы не говорили две минуты назад о рыжей девушке с каре? – улыбнулся Арик.

Эмили и Гай недоверчиво покачали головами.

– Ты просто дебил, – сказал Гай.

– Возможно, – ответил Арик, – но это так кайфово.

Официантка подошла к их столику и подала мятный лимонад:

– Прошу прощения за задержку.

Затем она поставила перед ними еще одну небольшую тарелочку и обратилась к Эмили:

– Это брауни для вас.

Брови Эмили удивленно поднялись.

– Я не заказывала брауни.

– Я знаю, – сказала официантка и указала подбородком чуть в сторону. – Это от юноши в том углу.

Все трое обернулись. Слегка смущенный молодой человек, который не ожидал увидеть больше чем одну пару глаз, застенчиво кивнул.

– И еще вот это, – сказала официантка и положила рядом с тарелкой небольшую сложенную записку.

Эмили уставилась на нее.

– Он довольно милый, – сказала она официантке.

– Да, Эмили, – сказал Арик и кивнул с тонкой улыбкой. – Очень милый.

– Спасибо, – сказала Эмили официантке и гневно посмотрела на обоих своих спутников. – Ладно, – процедила она, – кто из вас двоих это сделал?

Они инстинктивно воздели руки – мол, невиновны.

– Почему ты думаешь, что это мы? – спросил Гай.

– Ложные обвинения портят цвет лица, – сказал Арик.

– Слушайте, – сказала Эмили, – я точно знаю, что один из вас сделал так, чтобы этот юноша послал мне брауни. Я просто уверена.

– Тебе так трудно поверить, что кто-то пытается с тобой познакомиться? – спросил Арик.

– При помощи брауни?

– А что такого? Он вкусный и сладкий, – сказал Гай.

Эмили встала и взяла тарелку:

– Ладно, пойду разберусь с этим.

– Дай ему шанс! – сказал Арик.

Эмили не ответила и быстро отошла от них.

– Ты это организовал? – спросил Гай.

– Нет. Ты?

– Нет.

Они помолчали несколько секунд, и Арик вздохнул:

– Ну, жаль. Юноша выглядит симпатичным.

– Ага.

– Я не сбился со счета? Это уже десятый парень, которого она отвергла с тех пор, как мы закончили курс?

– По крайней мере, из тех, о которых мы знаем, – да, – сказал Гай.

– Гай, можешь опустить руки. – Это Эмили вернулась и села на свое место. – Так какое у тебя следующее задание?

– Это одна из самых странных вещей, которые я видела за последнее время, – сказала она через несколько минут.

Они все еще сидели вокруг стола и передавали друг другу лист бумаги, который Гай получил в конверте утром.

– «Как насчет стукнуть тебя по башке», – сказал Арик, – это определенно новаторская формулировка задания.

– Я не понимаю, что это значит, – сказал Гай.

– Ты уверен, что это тот самый конверт? То есть ты проверил? От наших? – спросила Эмили.

– Да, – ответил Гай.

– Как насчет стукнуть *тебя* по башке? – сказал Арик, акцентируя жестом слово «тебя».

– Где описание задания? Где ограничения? – спросил Гай. – С каких пор мне вместо задания шлют загадки?

– Как насчет *стукнуть* тебя по башке? – сказал Арик. – Нет, все равно плохо.

– Мне кажется, это ошибка, – сказал Гай.

– Очень сомневаюсь, что они совершают такие ошибки, – сказала Эмили.

– КНСТПБ, – сказал Арик.

– Что? – спросил Гай.

– Это первые буквы слов. Ни о чем тебе не говорит, да?

– Да.

Арик вернул ему листок бумаги и пожал плечами:

– М-да, подкинули тебе загадку. Поздравляю.

– И что мне теперь делать?

– Думаю, стоит пойти туда, куда указано, в назначенное время, – сказал Арик.

– И?

– И реши, как там насчет…

– Как насчет чего?

– Стукнуть тебя по башке.

5

Арик все стоял и высматривал такси.

– О боже, – сказал он, – за последние годы я организовал по меньшей мере пятнадцать такси, которые приезжали точно в нужное время, но когда такси нужно мне, полчаса пройдет, пока оно приедет. И то уже занятое.

Гай рассмеялся:

– Сапожник без сапог.

– Я не сапожник, – сказал Арик. – И в последнее время я понял, что не воспринимаю иронию.

Через три секунды рядом с ними остановилось такси.

– Как ты это сделал? – Эмили раскрыла глаза от удивления.

– Кто сказал, что я что-то делал? – улыбнулся Арик. – Иногда события происходят сами по себе.

– Ты сделал так, чтобы такси приехало только сейчас, лишь бы ввернуть эту фишку о том, как ты не любишь иронию? – спросил Гай. – Тебе заняться нечем?

Арик сел в такси и помахал им рукой.

– Расставание – сладкая печаль, – сказал он.

– Как скажешь, – сказал Гай с улыбкой, и такси тронулось.

– Ты помнишь о нашем споре? – спросила Эмили.

– Мм, есть небольшая вероятность, что нет, – сказал Гай.

– Ну сколько можно? – с улыбкой вздохнула Эмили.

– Мы очень занятые творцы совпадений, – сказал Гай с деланой серьезностью, – у нас нет времени на глупости.

– Не уходи от темы. Мы уже решили, что в удобное для тебя время ты должен сделать так, чтобы десять девочек по имени Эмили находились в границах парка хотя бы четверть часа. А я должна попытаться собрать десять мальчиков по имени Гай.

– Ладно, ладно.

– Смейся-смейся. На кону ужин, не забывай.

– Мне можно тоже приводить мальчиков?

– По имени Эмили?

– Или Эмиль.

– Тогда и мне можно привести какую-нибудь Гайю.

Он с улыбкой кивнул:

– Идет.

Конечно же, это был тот самый парк, где, как им казалось, все и началось.

Первый день курсов творцов совпадений начался на рыжевато-бурой скамейке в парке. Гай пришел вторым, Эмили оказалась уже там. Он нерешительно подошел к темноволосой девушке с каре:

– Э-э, здесь?..

– Думаю, да.

У нее были большие синие глаза и маленькое личико, а кожа – цвета светлого мрамора. Она смущенно улыбнулась:

– Эмили.

– Гай, – представился он, сел рядом с ней и только секунду спустя подумал, что неплохо было бы сначала спросить разрешения. Но она, кажется, не заметила.

На газоне перед ними дети играли в мячик. Чуть поодаль сидели их матери и няньки с малыми детьми, они были почти в отчаянии, пытаясь удержать малышей от поедания травы или исследования особо интересной собачьей какашки, но при этом не прекращали говорить по своим мобильным.

Эмили держала в руке маленький пакет с хлебными крошками и рассыпала их перед собой. Несколько удачливых птичек собрались вокруг нее и ловко склевывали крошки, как это умеют городские птицы.

– По крайней мере, теперь мы оба знаем, что это нужная нам скамейка. – Гай попробовал растопить лед.

– Угу, – ответила Эмили и рассыпала еще горстку крошек.

– Ты откуда? – спросил Гай.

Эмили выпрямилась и посмотрела на него:

– В смысле?

– Кем ты работала раньше? – спросил он.

Она на секунду взглянула на него.

– Ты первый, – сказала она. – Кем ты был?

– Я был ВД.

– Хм. Аббревиатура, чудесно. И что же это значит?

– Воображаемый друг. Я был воображаемым другом. В основном для маленьких детей. Очень интересная работа.

– Не сомневаюсь.

– Да.

– Как думаешь, это продвижение по карьерной лестнице? – спросила Эмили. – Это считается круче?

– Да. Я привык, что существую только в воображении одного ребенка. Постоянное существование, как у всех, это очень интересное испытание. Я доволен.

– Ты подавал прошение о переводе или просто получил приглашение?

– Просто получил, честно говоря. Я не знал, что можно просить о переводе.

– Логично ведь, что можно, разве нет? – Кажется, уже тогда ее интересовали всякие процессуальные подробности.

– Может быть. Я действительно не знаю.

– Ну ладно.

Эмили рассыпала еще горсть крошек.

– Это скамейка, где курсы творцов совпадений? – услышали они голос за спиной.

Оба обернулись.

– Ты не должен так запросто об этом говорить, – сказал Гай. – Что, если бы тут сидели обычные люди?

Рыжий худой парень задорно посмотрел на него.

– Ну, они бы подумали, что я немного поехавший, и сказали бы «нет», – ответил он. – Думаешь, кто-то всерьез подумал бы, что есть такие курсы?

– Есть правила… – Гай попытался возразить.

– Сожалею, не слышал о правиле, согласно которому запрещено спрашивать. Даже если и есть, ты знаешь, для чего нужны правила. Так курсы тут, да?

– Да, но…

– Отлично.

Он быстро обошел скамейку и сел между ними, раскинув руки в стороны.

– Очень приятно, – сказал он. – Арик, выдающийся человек.

– Приятно познакомиться. – Эмили приподняла бровь и улыбнулась.

– Классная прическа. И улыбка тоже супер, – сказал Арик и повернулся к Гаю. – А ты не хочешь мне улыбнуться?

– Даже руку пожму. – Гай протянул руку. – Ты откуда?

Арик пожал ему руку:

– Может, если пояснишь вопрос, я смогу на него ответить.

– Он спрашивает, что ты делал до курсов, – сказала Эмили.

– Я был запускателем, – ответил Арик. – Отличная профессия, но выматывает через несколько десятков лет. Или сотен.

– Кто такой запускатель? – спросила Эмили, но прежде чем Арик успел ответить, ему на лицо упала тень человека, возникшего перед ними и распугавшего всех птиц.

– Доброе утро, семьдесят пятый выпуск, – сказал человек.

– Доброе утро, – ответил Гай.

– Доброе утро, – сказала Эмили, посмотрев на него с подозрением.

– Присоединяюсь к сказанному, – сказал Арик.

Перед ними стоял человек среднего возраста, с прямой спиной, короткими пепельными волосами, светло-зелеными глазами и одетый в белую хлопчатобумажную рубашку, облегающую – так что по его виду все трое заключили, что человек этот заботится о своем теле. Ну а тело, в молчаливой признательности, отвечает ему тем же.

– На этом этапе, – сказал человек, – вы идете за мной и слушаете.

Все трое поспешно встали и пошли за ним.

Он шел медленно, высоко подняв голову и скрестив руки за спиной.

– Значит, так. Имя на самом деле не важно, но вы можете называть меня Генерал. Вообще вы обязаны называть меня Генерал, и не только потому, что это единственное имя, которое вы должны знать и на которое я буду откликаться. Будьте любезны, сотрите из мозга все догадки по поводу моего настоящего имени, потому что скоро я забью ваши головы таким количеством информации, что вы увязнете в своих мыслях. Как богомол в луже меда. Понятно пока?

– Понятно, – сказал Арик.

– А вам? – Генерал перевел взгляд на Гая и Эмили.

– Понятно, понятно, – поспешно ответили они.

– Когда я спрашиваю «понятно?», три моих ученика-имбецила должны приложить все свои жизненные силы, преодолеть ментальный барьер, связанный с таким сложным понятием, как «синхронизация», и ответить мне одновременно, хором.

Он остановился и взглянул с особым интересом на крону одного из деревьев:

– Понятно?

– Понятно! – ответили они втроем хором.

– Так-то лучше. Я впечатлен. Вы весьма талантливы. Я даже немного расчувствовался. Оп, вот и слезинка, – сказал он и пошел дальше.

– В ближайшие шестнадцать месяцев, – продолжал он, – я буду учить вас организовывать совпадения. Вы, конечно, думаете, что понимаете, что это значит и зачем мы это делаем, но, по всей видимости, вы абсолютно ошибаетесь.

Прежде всего, вы тайные агенты. Разница между вами и всеми остальными в том, что они в первую очередь агенты, а потом уже тайные, в то время как вы прежде всего тайные, а потом уже агенты. Ваше существование банально и последовательно, как у обычных людей. Вы едите, пьете, иногда пукаете и время от времени подхватываете какой-нибудь вирус. Но при помощи навыков, которые вы получите на этих курсах, вы поймете, как причина и следствие действуют в этом мире и как использовать это понимание, чтобы подстраивать небольшие и

почти незаметные события, которые помогут людям прийти к решениям, меняющим их жизнь. Понятно?

– Понятно.

– Многие думают, что организовывать совпадения – это как решать судьбу. Будто вы приводите человека в новую точку, используя силу событий. Это детский взгляд, недальновидный и высокомерный. Наша задача – стоять точно на границе, в серой зоне между судьбой и свободным выбором, и бить в штангу. Мы создаем ситуации, которые создают другие ситуации, которые создают следующие ситуации, которые в итоге могут породить мысли и решения. Наша цель – зажечь искру на границе судьбы, чтобы кто-то по ту стороны границы, где находится свободный выбор, увидел эту искру и принял решение что-то сделать. Мы не устраиваем пожар, мы не пересекаем границу, и наша задача не состоит в том, чтобы указывать людям, что делать. Мы создаем возможности и даем намеки, соблазнительно подмигиваем, демонстрируем варианты. Вы можете придумать еще какие-нибудь эффектные определения в свободное время, чуть позже.

– Мир полон случайных совпадений, – продолжал Генерал. – Подавляющее их большинство таковыми и являются – что-нибудь происходит случайно, и в этот же момент происходит что-нибудь еще. На удивление банальные вещи составляют контекст хорошей синхронизации. Контекст дает смысл, и смысл делает их значимыми. Совпадение – это не обязательно комната, в которой сидят люди в одинаковых рубашках, хоть это и мило. Совпадение – это просто кто-нибудь что-нибудь говорит, а в это время кто-нибудь что-нибудь видит, и эта комбинация порождает новую мысль, вот и все. Никаких драм, никто не обращает внимания на такие обычные случаи. Идея проста. Иногда происходят вещи, которые заставляют людей думать, будто кто-то пытается послать им знак. Иногда происходят вещи, которые заставляют просто думать, а не пытаться вообразить стоящие за ними сущности, побуждающие к действию. А иногда происходят вещи, которые заставляют людей смотреть на реальность под другим углом, повернуть это пятно Роршаха, именуемое жизнью, и увидеть его в другом свете. Мы отвечаем за все три этих типа событий. Мы не определяем судьбу, мы всего лишь наемники широкой публики, даже ее рабы, если угодно. Организация совпадений – это тонкое и сложное искусство, требующее способности жонглировать событиями, оценивать ситуацию и реакцию, а также подразумевающее, что на базовом уровне вы не идиоты, а таких порой непросто найти. Вам придется использовать знания по математике, физике, психологии… Я буду говорить с вами о статистике, об ассоциациях и подсознании, о дополнительном неосознаваемом слое вне обычного существования. Я намерен втиснуть в ваши головы личностный анализ и теории бихевиоризма; я буду требовать от вас такой точности, с которой вы заткнете за пояс любого квантового физика, невротического химика или ученика кондитера с его навязчивой идеей взвешивания яичных желтков; вы не будете спать, пока не поймете, почему одни птицы садятся на деревья, а другие – на электрические провода; я заставлю вас зубрить наизусть таблицы причин и следствий, пока вы не забудете, как зовут любовь всей вашей жизни, если у вас, конечно, была любовь или жизнь. Я собираюсь объяснить вам такие вещи, из-за которых вы сначала будете постоянно оглядываться через плечо, чтобы проверить, не пытается ли кто-то за вашей спиной вас прикончить, но потом из-за них же вы будете спать крепче, чем когда-либо. Я собираюсь изменить вас, заново отстроить всю вашу жизнь, кроме лица и внутренних органов, и научу вас, как заставлять людей меняться так, чтобы им даже в голову не пришло, что они делают это не сами.

Он остановился и повернулся к ним, его зеленые глаза будто улыбались, но только чуть-чуть.

– Вопросы?

– Мм, небольшой, – сказал Гай, – по поводу распорядка дня.

– Я не имел в виду, что сейчас можно задавать вопросы, – сказал Генерал. – Это был жест вежливости. Вы должны были ответить «нет». Все вопросы будут потом. Немного такта, пожалуйста.

– Ну… тогда нет, нет вопросов, – сказал Гай.

– Отлично, – сказал Генерал, – а теперь повернитесь.

Они повернулись. С этого места, куда они пришли, поднявшись вверх по тропинке, можно было видеть почти весь парк. Внизу, посреди лужайки кто-то повесил между двух деревьев растяжку, на которой было написано: «Удачи, выпуск 75».

– Ух ты, смотрите, – сказал Генерал, – как раз сегодня тут вечеринка выпускников курсов молодого бойца. Какое совпадение, правда?

За спиной поднималось солнце, отбрасывая тени на склон холма. Все четверо улыбнулись, но каждый по своей причине.

6

Гай провожал взглядом уходящую Эмили. Она все еще казалась ему маленькой и хрупкой, как в первый день курсов. Но если есть что-то, чему курсы научили его, так это то, что нельзя, просто нельзя пытаться охарактеризовать людей, используя только одно слово. Люди слишком сложны. Попадание в ловушку прилагательных – это первый этап, который искажает твое восприятие того человека, для которого ты организовываешь совпадение. Любые слова – это маленькие ловушки, но прилагательные особенно опасны, они как болото. Когда-то он смотрел на Эмили и на ум приходило только слово «нежная». С тех пор он немного повзрослел. В Эмили еще много чего есть.

По сути, она всегда была немного странной. Немного мистической, если все же позволить себе прибегнуть к словам.

Гай постоянно рассказывал о своей предыдущей работе, Арик тоже не скрывал ничего о своей прежней жизни, а иногда даже придумывал то, чего на самом деле не было, но Эмили… Эмили уходила от ответа каждый раз, когда Гай пытался выяснить, чем же она занималась до того, как попала на курс.

– Это тайна, – сказала она в конце концов, когда он буквально прижал ее к стенке.

– Ткач снов? – попробовал он угадать. – Я слышал, что у вас в психологическом отделе подписывают какое-то сумасшедшее соглашение о неразглашении. Я – могила!

– Я не могу сказать.

Или как в тот раз, когда она вышла из комнаты Генерала с заплаканными глазами, держа в руках маленький белый конверт.

– Что случилось? – спросил ее Арик. – Что тебе там дали? Это задание или что?

– Ничего, – ответила она.

– Все хорошо? – спросил Гай.

– Просто отлично, – сказала и быстро ушла.

– Мне кажется, она была в спецотделе по распределению удачи, – как-то раз сказал ему Арик. – Они еще более скрытные, чем мы. Работают с опасными веществами и все такое, ходят в специальных защитных костюмах на случай, если на них прольется удача или неудача. Им даже запрещено рассказывать, что такое подразделение существует.

– В жизни не слышал о таком подразделении, и мне правда кажется, что его не существует, – ответил Гай.

– Еще одно свидетельство, насколько они хороши, – сказал Арик.

– Арик, спустись на землю.

– Ладно, ладно.

С тех пор Гай играет по ее правилам. Так они и общались, как добрые приятели, у которых была одна запретная тема. У каких друзей нет таких тем? Но он всегда знал, что она не только и не настолько хрупкая. Ах да, нежная.

Он развернулся и ушел. Может, вернется домой, включит хорошую музыку, сядет на балконе и попробует понять, что́ пытается ему сказать утренний конверт.

А может… Может, лучше вообще об этом не думать и посвятить этот день прочистке мозгов. Почитать хорошую книгу, послушать какой-нибудь приятный послеполуденный джазовый концерт, выпить кофе с круассаном, любуясь красивым видом. Вот они, преимущества непрерывного существования, подумал он. У тебя есть возможность заниматься чем-то помимо работы.

Ему это безумно нравилось.

До того как стать творцом совпадений, до того как получить эту непрерывную жизнь, это тело, эту способность переживать настоящее как что-то, что было будущим мгновение назад, а через мгновение станет прошлым, – до всего этого, пока он был воображаемым другом, он и представить себе такого не мог.

Тогда он существовал как некий персонаж в воображении людей. Абсолютно реальный персонаж для них, со своим характером, особенностями поведения и тонким чувством юмора, или не тонким – по заказу.

Это были совсем другие ощущения.

Как-то раз он сел и составил список. Выяснилось, что за эти годы он успел побывать воображаемым другом для двухсот пятидесяти шести человек. Двести пятьдесят из них были детьми в возрасте до двенадцати лет. Еще пятеро были на разных стадиях помутнения рассудка или просто очень старые. Они были настолько одинокими, что у них не было иного выбора, кроме как придумать кого-то, кто будет рядом и просто обратит внимание на то, что они существуют. Еще одним был мужчина с потухшим взглядом, узник одиночной камеры, сидевший там уже долгие годы. Он потихоньку сходил с ума и, чтобы оставаться нормальным, вынужден был придумать себе друга, роль которого играл Гай. Он позабыл Гая в то мгновение, когда вышел на свободу.

Да, этим он и занимался. Играл роли. Или, может, раскрывал различные стороны самого себя. Когда ты воображаемый друг одинокого или грустного ребенка, ты не можешь позволить себе быть подавленным или отчаявшимся, даже если у тебя был не самый лучший день. Ты должен вычерпать чайной ложкой свою личность, будто углубляясь в холодный грунт, пока не доберешься до подземных вод, чтобы напоить ими страждущего.

Когда ты чей-то воображаемый друг, ты подчиняешься нескольким четко определенным правилам.

Первое правило гласит, что ты существуешь только ради клиента. Докучливые речи, попытки перевоспитать, проповеди – все это оставь на потом, на случай, если станешь человеком. Сейчас ты воображаемый друг, ты создан для твоего мальчика или девочки, и ты должен вести их туда, куда *они* хотят, а не куда *ты* хочешь. А это непросто. Много раз Гаю хотелось остановить ребенка-воображателя и закричать ему: «Нет! Не так!», или «Просто скажи!», или «Прекрати делать это!». Но он должен глубоко вдохнуть и напомнить себе, что ребенок – это капитан, а он всего лишь корабль.

Второе правило: тебе запрещено являться в одном и том же обличье больше чем одному клиенту. Гай сменил бесконечное множество образов и личин за эти годы, не говоря уже об именах. Иногда он менял только одну деталь, чтобы соблюсти правило. Он был то высоким и суровым, то маленьким и шаловливым, он играл сладких медвежат и бравых игрушечных солдатиков, он надевал на себя маски знаменитостей, героев комиксов, известных кукол. Он был крестьянином, волшебником, летчиком, капитаном корабля, певцом, футболистом. Его голос бывал тихим и сладким, зычным и командным, улыбающимся и приглушенным, убаюкивающим.

Третье правило: если однажды ты уволишься из воображаемых друзей, то впредь никогда не должен обнаруживать себя ребенку, который тебя воображал. Идея ясна. Если ребенок встретит в реальном мире кого-то, кто до сего дня существовал лишь в его воображении, кого-то, кто подойдет и расскажет ему его же секреты, кого-то, кто знает все его самые потаенные уголки, то ребенок начнет сомневаться в неприступности стены воображения. Уволился так уволился. Точка.

Гай не вполне был с этим согласен. Иногда ему казалось, что ничего страшного не случилось бы. Люди ведь растут, меняются, начинают что-то понимать. Но исключений из правила нет и не будет, ему это очень хорошо разъяснили.

Гай все еще помнил большинство своих воображателей.

Он помнил того семилетнего мальчика, который перед сном воображал, что Гай сидит на стуле рядом с его кроваткой. В первые ночи Гай не понимал, зачем этому мальчику кто-то, кто всего лишь сидит у его кроватки и ничего не делает. Он думал, что ребенок, может, боится темноты или что-то в этом духе. Иногда Гай шептал: «Я охраняю тебя. Все будет хорошо». Но мальчик смотрел на него и говорил: «Тише, дай мне поспать. Понятное дело, что все будет хорошо, что может со мной случиться?» Но через несколько ночей, когда родители вдруг начали кричать друг на друга в гостиной, мальчик протянул руку и указал на воображаемую тубу, стоящую в углу комнаты. Гай взял тубу и подул в нее так сильно, как только смог, заглушая крики за дверью.

Он помнил также девочку десяти лет, которая хотела, чтобы он смотрел на нее и говорил, какая она красивая. Правая сторона ее лица была обезображена багровыми рубцами из-за полученного когда-то сильного ожога, и каждый раз, когда она смотрелась в зеркало, ей нужно было, чтобы Гай в образе известного голливудского актера подошел сзади и прошептал: «Ты правда красивая. Я вижу это. Я вижу это лучше всех. Настанет день, и остальные тоже увидят». Четыре года он стоял за ее спиной, пока она смотрелась в зеркало, и утешал ее банальностями, до того самого дня. Она вообразила его, когда сидела с одноклассником и делала с ним уроки. Они спорили из-за одного упражнения. Гай стоял сзади, около стены, и смотрел. В какой-то момент он услышал, что биение сердца девочки немного ускорилось. Она решительно взглянула на Гая, он ободряюще улыбнулся в ответ. Девочка немного поиграла карандашом в руке и как бы невзначай спросила одноклассника, не мешает ли она ему делать уроки. «Нет, с чего вдруг», – ответил мальчик. Она продолжила: «Тебя не смущает, как я выгляжу? Ты, конечно, думаешь, что я уродливая и ужасно некрасивая». Он посмотрел на нее, подумал немного и ответил: «Ты? Ты не уродливая. Ты, кстати, очень милая. Мне хорошо с тобой». Она прошептала: «Правда?» – и он сказал, смущенно глядя в другую сторону: «Мм… правда». Девочка взглянула на Гая еще раз, и он почувствовал, как растворяется и исчезает, чтобы больше никогда не возвращаться в ее жизнь.

Он помнил светленького мальчика, который сидел, скрючившись, в инвалидном кресле и представлял его одетым в костюм Супермена. «Я хочу летать, – сказал он Гаю, – научи меня». Он помнил тех ребят, которые брали его с собой в шалаш на дереве и представляли его пиратом, из лап которого надо освободить принцессу, и тех, кто представлял его в виде любимого героя комиксов и вкладывал в его уста заготовленные мудреные фразы, слышанные уже сотни раз. Ах, если бы ему давали монетку каждый раз, когда он играл говорящего кролика или язвительную Тигровую Лилию из «Алисы в Зазеркалье»…

А были и такие дети, которые всегда заставляли его изумляться тем мыслям, что роились в их маленьких головках. Дети, которым суждено, видимо, стать во взрослой жизни гениями или просто странными. Они превращали его в кисть, при помощи которой накладывали слой краски на окружающую действительность, слой возможностей помимо тех, что имелись в их жизни, а потом еще один, и еще один. Другие воображали его как звук, кружили его, выпрямляли, заново вылепляли в воздухе и приказывали ему петь. Третьи ложились в кровать ночью и представляли, как он парит над ними в виде абстрактных цифр или сложных геометрических фигур, вплетающихся друг в друга, причиняя ему этим головную боль, какой он не испытывал никогда. Но Гай терпел ее молча ради их чувства математической гармонии.

Однако в основном попадались дети, которые искали кого-то, с кем можно поиграть. Они либо всех дичились, либо были одинокими поневоле и не мудрствуя лукаво прибегали к его услугам.

Он помнил маленькую хрупкую девочку, которая одевала его в одежду принца и водружала на белого коня, не менее воображаемого, чем он сам. Тот конь пах скорее шампунем, а не конем. «Говори мне слова любви, как у взрослых», – думала она в своем сердце, так громко, что он слышал. Было немало девочек, которые хотели услышать от него слова любви или пережить с ним свою сказку. Поначалу это была чистая импровизация – он и сам еще толком не понимал, как работает сердце. Он цитировал заранее заготовленные предложения, по-настоящему не понимая, как двигаются зубчики внутри сложного часового механизма под названием «романтика». После встречи с Кассандрой стало гораздо проще…

Да, он помнил и Кассандру. Она была отнюдь не девочка.

Это было прекрасное время. Правда, было там и разбитое сердце, и скука, и гнев, вызванный отдельными клиентами, но в целом все равно прекрасное время. Сейчас, по сути, тоже прекрасное время. Как хорошо сидеть под деревом, раскачивающимся на ветру, с чашкой кофе и круассаном в руке, с прошлым, настоящим и будущим.

Классические теории организации совпадений и методология исследования с целью улучшения причин и следствий

Итоговый экзамен

Длительность экзамена: два академических часа + неделя практики.

Указания: ответьте на нижеследующие вопросы. Следует писать в экзаменационной тетради весь ход мыслей даже в случае вопроса с множественным выбором, если вопрос требует использования формулы или включает доказательство уровня B и выше.

Часть А: вопросы с множественным выбором

Ответьте на все вопросы.

1. Согласно теореме Кински, сколько требуется творцов совпадений, чтобы вкрутить лампочку?

а) Один.

б) Один – чтобы вкручивать, и три – чтобы организовать создание электрической компании.

в) Один и еще двое, чтобы организовать прибытие первого на место.

г) Теорема Кински не дает ответа на данный вопрос.

2. Начиная с какого фактора в цепочке причин и следствий возникает «облако неопределенности», согласно методологии Фабри́к и Коэна? Напишите в тетради схематичное объяснение и доказательство.

а) Неопределенность создается сразу, с первой секунды.

б) Неопределенность создается, когда объект решает задуматься.

в) Неопределенность создается, когда объект решает слушать свое сердце.

г) Согласно детерминистической модели Коэна, никакой неопределенности нет, пока есть желание или надежда.

3. Согласно классической методологии вычислений, каковы шансы, что двое мужчин из группы в десять тысяч человек полюбят одну и ту же женщину?

а) <10 %.

б) 10–25 %.

в) 25–50 %.

г) > 50 %, но у них это быстро пройдет.

Часть Б. Открытые вопросы

Необходимо ответить минимум на три вопроса из четырех.

1. Два поезда выезжают навстречу друг другу одновременно из двух городов по параллельным путям. Известно, что в каждом городе минимум 25 % людей не состоят в браке, и характер распределения их соответствует таковому в методологии Фабрик и Коэна. Вычислите шансы, что два человека увидят друг друга, когда поезда проедут мимо, и их сердца забьются в такт.

2. Докажите при помощи формулы расширения Вольфцайга и Ибн-Тарека, что начиная с определенного уровня социальной близости счастьем можно заразиться, как инфекционным заболеванием. Вычислите необходимый уровень социальной близости.

3. Объясните теорему Дарвила, доказывающую существование воображения. Дополнительный балл тому, кто объяснит, как воображение доказывает существование Дарвила.

4. Продемонстрируйте, как порядок представления возможностей влияет на выбор в одном из следующих случаев:

а) продавец, показывающий костюмы для примерки в магазине мужской одежды;

б) продавщица, показывающая платья для примерки в магазине женской одежды;

в) метрдотель, предлагающий напитки в ресторане;

г) порядок расположения избирательных бюллетеней в кабинке для голосования.

Часть В. Практические задания

Выполните одно из следующих совпадений.

1. Заставьте трех друзей детства сесть в самолет, такси или поезд в одно и то же время (необходимо доказать, что друзья детства учились в одном и том же образовательном учреждении на протяжении минимум трех лет).

Поездка в самолете/такси/поезде должна быть заранее условлена и не должна быть разовым событием, которое подстроено для выполнения задания. Незапланированная дополнительная поездка аннулирует выполнение задания.

Дополнительный балл тому, кто организует беседу между двумя друзьями детства или более.

2. Создайте на дороге пробку, в которой будут стоять более 80 % транспортных средств одного цвета, цвет не принципиален.

Пробка должна длиться не более двадцати минут. Запрещено прибегать к авариям и поломке светофоров. Дополнительный балл, если процент транспортных средств одного цвета будет выше 80 %.

Удачи, если вы ее заслужили!

7

Человек с Хомяком стоял на перекрестке и исследовал место, где он уничтожит свою следующую цель.

В нем сейчас будто жили два или даже три разных человека.

Один осознавал тот факт, что нельзя совершить нападение нормально, не проверив, не подготовив, не подготовившись. Нельзя относиться к каждому делу как к чему-то, что происходит само по себе. Он должен узнать распорядок дня жертвы (нет, нет, не жертвы, а цели, напомнил он себе), просчитать угол стрельбы, разработать пути отступления, проверить параметры ветра. Вот как надо работать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.